

**Константин Михайлович
БАЗИЛИ**

**ОЧЕРКИ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ**

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б17

Базили, К. М.

Б17 Очерки Константинополя / К.М. Базили. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, — 416 с. —
(ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-519-66055-6

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66055-6

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Извещая читателя, что я провел детство и многие годы моей жизни в Константинополе и был в этом городе в разные эпохи, я этим не надеюсь придать моей книге более цены, но единственно желаю показать причины, побудившие меня к пред-принятию сего труда.

В этих Очерках я соединил сохраненные мною воспоминания о Константинополе, дополнил их свежими рассказами, собранными мною на месте, о недавних любопытных происшествиях этой столицы, на которую уже несколько лет устремлены взоры всего просвещенного мира, и постарался изложить в нескольких картинах дела Султана-Преобразователя и его удивительную судьбу, равно и состояние его столицы в последнюю эпоху моего пребывания в ней, эпоху особенно занимательную для всякого русского, любящего славу и величие своего отечества. Целью моего труда было представить нашей публике занимательное чтение о предмете, столь близком нам и так мало доселе известном.

Без сомнения, нет города, более достойного внимания наших соотечественников. Уже десять веков посто-

янно вперены взгляды России на босфорскую столицу; то заманивает она наших баснословных рыцарей своим богатством, то изливает на обрадованный Север свет Христианства, то завещает Московскому Князю последнюю отрасль Императорского дома и улетевших от пленных берегов Босфора орлов Древнего Рима, то занимает великие помыслы Екатерины II и обещает миру посыл судьбы, удивленной Европе новую эпоху рыцарства; а в наши дни испуганный город султанов с высоты своих холмов и минаретов видит дым русского войска и победное отражение штыков; потом наше войско и наш флот приносят Востоку дар мира.

Константинополь, как средоточие великих перемен и перерождения обширной империи, в одинаковой степени обращает на себя внимание политика, мыслителя и всякого образованного человека. Если записки путешественника возбуждают любопытство читающей публики, это я припишу эпохе, а не внутреннему достоинству моего труда. Говорят, что наш век любит говорить важным тоном даже о пустяках, так как прошедший век говорил шутя о предметах важных; но без поддельной скромности могу сказать, что я старался избежать всяких притязаний на ученость; если иногда читатель найдет сведения о законах, об обычаях турецкой старины, я был в необходимости поместить такие подробности, которые, впрочем, нелегко достаются любопытству путешественника, что бы пояснить нынешние перемены турок. Сведения мои о Востоке весьма ограничены; меня успокаивает уверенность, что эта книга не долж-

на сделаться предметом критики ориенталистов. Добросовестность моего труда заставила меня однако ж прибегнуть к некоторым ученым сочинениям о Турции, чтобы поверять мои замечания, местные рассказы и предания. Равным образом постарался я воспользоваться трудами моих предшественников, читал много томные собрания путешествий различных эпох, и в них, среди кучи неточностей и ошибок, которых, без сомнения, и я часто не мог избежать, отыскивал иногда нужные мне сведения.

Считаю излишним напомнить читателю, что ему представляется здесь не «книга» и не «путешествие», а только очерки Константинополя; в них нашли место многие народные поверья, которые при всей своей легкости, по моему мнению, более заслуживают иногда внимания наблюдателя, нежели ученые исследования. В двух романических рассказах о приключениях Вероники и Ангелики, помещенных во второй части, я ничего не выдумал. Если некоторые подробности, впрочем совершенно истинные, придают им вид повести, я сохранил эти подробности, имея единственную цель, как и в целом сочинении, представить характер местностей, со всеми теми оттенками, которые наиболее оставили во мне впечатления своею оригинальностью или своею новостью, и передать читателю те картины, которые сохранились в моем воображении. Достигнул ли я моей цели — это вы узнаете по впечатлениям, которые сохраните, пробежавши мои очерки. Не знаю, найдет ли читатель подробности о янычарах

занимательными. Но я знал Константинополь при них, в прежние годы; а потом, среди свежих еще следов ужаснейшего из кровопролитий, даже в летописях Стамбула, так часто облитых кровью, я был сильно поражен картиною этого великого события, которого влияние является во всем, которого подробности покажут наблюдателю всю важность нынешних перемен в Турции. Что касается до системы изложения, я в моем рассказе не следовал никакому порядку; может быть, иногда удачно, иногда случайно сошлись в одну раму разнообразные события и картины, так как все это вместе представляется вам, когда посещаете страну вам неизвестную, и еще более пленяет своим фантастическим сближением. За эпизоды и отступления никто не вправе упрекать путешественника; все его странничество есть продолжительный эпизод его жизни; все встречаемое им есть заблудившийся листок его собственного существования.

Нынешняя эпоха Турции самая любопытная, но вместе с тем и самая затруднительная для путешественника. Судорожная борьба старины и новизны происходит в ваших глазах; смесь обычаев, поверий, нравов и предрассудков эпох, совершенно между собою противоположных и усиленно сближенных, как бесконечная фантазмагория проходит пред вами. Живописный образ этой эпохи найдете только в течении Босфора, который, при всякой перемене ветра, при всяком уклоне берега, представляет тысячу капризных изменений, которого волны, выбежав из одного моря, чтобы влить-

ся в другое, встречаются на пути с волнами, идущими обратно, борются с ними и продолжают свою вечно изменяющуюся игру под стенами Константинополя. Вчерашнее замечание сегодня уже не верно; старинные поверья то сохраняются с набожным уважением, то распадаются, как ветхая одежда. Таково первое вторжение моды в народе, который доселе так ее чуждался.

С воспоминаниями лет, проведенных мною в Константинополе, и с картинами замечательнейших эпох нынешнего царствования соединил я в моих «очерках» и несколько картин другого рода и воспоминания других веков. Мое пребывание в стране гробов и развалин научило меня любить следы прошедшего, и настоящее представляется живее в моем воображении, когда оно оттенено перспективою старины. В эпоху открытий новых земель люди, соскучившиеся в нашем старом мире, спешили к ним, прельщаемые их девственностью. Они хотели проложить первую тропинку в лесах, которые дотоле величественно росли в диком уединении и гнулись под ветром, а не под топором; моряк с гордостью измерял глубину берегов, у которых его якорь первый вцепился в морское дно, еще не оцарапанное железом, и многие Колумбы целовали новооткрытую землю со всем пламенем первого поцелуя любви. Но я не сочувствую этой поэзии. Так как душа земли есть человек и без него она представится холодным трупом, так и следы, проложенные племенами по ней, представляются мне памятью и воображением нашей планеты.

С несравненно большим удовольствием остановлюсь у ручья, которого имя на веки сочеталось с каким-нибудь великим именем истории, нежели у самой величественной реки нового мира. Отдохните в тени Адриана платана в Пелопоннесе или платана Готфрида Бульонского в Буюкдере — это вам оставит на всю жизнь неоцененное впечатление.

ЧАСТЬ 1

